

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете «Вперед», №8 (46), октябрь 1998 года

8 ОКТЯБРЯ —
ДЕНЬ
ПАМЯТИ
СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО,
ИГУМЕНА
ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

Преподобный Сергий Радонежский с Житием.
Икона середины XV в. Фрагмент.

При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание.

Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками сростается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняем произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.

Краеведческий календарь

1998 год. Октябрь.

3 октября — 125 лет со дня рождения русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева (1873 - 1950). Одни из самых значительных его произведений эмигрантского периода — "Богомолье" и "Лето Господне".

8 октября — Сергиев день (день памяти Преподобного).

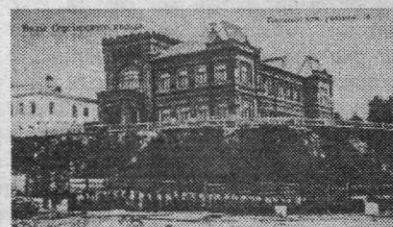
8 октября — 175 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823 - 1886). Русский публицист и общественный деятель. Сын писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

10 октября — 85 лет фабрике игрушек. Открылась в 1913 году.

10 октября — 75 лет со дня смерти известного народолюбца и публициста Льва Александровича Тихомирова (1852 - 1923), проживавшего в Сергиевом Посаде.

19 октября — 100 лет со дня смерти художницы Елены Дмитриевны Поленовой (1850 - 1898). Дочь художника Д. В. Поленова. Основала вместе с Е. Г. Мамонтовой столярную школу-мастерскую в Абрамцево.

17 октября — 80 лет Музею игрушки. Он был создан в Москве. В 1931 году переведен в Загорск.

В НОВОМ ЗДАНИИ — НОВЫЕ ВЫСТАВКИ

(Овражный переулоч, 9а)

"СЕРГИЕВ ПОСАД. НАЧАЛО XX ВЕКА"

Эта выставка создает образ города — каким он виделся человеку, приехавшему в Лавру на богомолье 100 лет назад. Как выглядели богомольцы, каким

был вокзал и дорожные вещи того времени, что можно было купить в торговых рядах, какова была обстановка дома — об этом и многом другом вам расскажут фотографии, подлинные вещи из посадских домов, игрушки 100-летней давности, любезно предоставленные для выставки Художественно-педагогическим музеем игрушки, книги и открытки из домашних архивов и фондов музея.

Панорама Троице-Сергиевой лавры и виды старого города выполнены фотографом Николаем Соловьевым, художественное оформление Юрия Серегина.

"КАК БИЛИ КОЛОКОЛА"

В январе 1930 года произошло событие, которое потрясло М. М. Пришвина — с колокольни Троице-Сергиевой лавры сбрасывали колокола. "Заступить нельзя

никому и как-то неприлично: слишком много жизней губим ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол..." — читаем запись в его дневнике. Бессильный помешать, он зафиксировал трагедию на фотоплёнке. На выставке представлено около 30 снимков с авторских негативов М. Пришвина, выполненных для выставки Н. Соловьевым. Художественное оформление — Юрия Серегина.

Выставка подготовлена мемориальным музеем М. Пришвина в подмосковном Дунине и краеведческим отделом историко-художественного музея.

"ШКОЛЬНЫЙ АЛЬБОМ"

Выставка рассказывает о развитии народного образования в Сергиевом Посаде за первые 50 лет XX столетия.

***

Выставки работают в краеведческом отделе музея-за-

поведника по адресу: Овражный переулоч, 9а все дни недели, кроме понедельника и вторника, с 9 до 17 часов. Экскурсии можно заказать по телефонам 4-44-28, 4-53-56.

А. Шишкин. «Старый Сергиев»

ОСЕНЬ

в Сергиевом Посаде
(1920-е годы)

ЕЩЕ летом, на Казанскую, была в Посаде ярмарка: кабусели, гигантские шаги, качели, кольца... Цирк приезжал. Всякими сладостями торговали, игрушками, лентами. Люди ходили на ярмарку семьями. А вечером — гулянье: от кинотеатра до Переславки и обратно. Так кругом и ходили. Дети — впереди. Встретятся со знакомыми — остановятся, поздороваются. К этому дню наряды шили — себя показать. А из деревень чего только на ярмарку не привозили! Возами везли: и соленье, и печенье, и жареное, и вареное.

Коля Барченков базар нарисовал почти пустой (имеется в виду картина Н. Барченкова "Базар. 1920-е годы". — Т. Смирнова). Наверное, он его очень поздний помнит. А в двадцатые годы базар был — не пройдеши! И голубей столько! А сколько их за день передают!

На базаре веса большие были. Это у входа в парк. На них возы с товаром въезжали. Свалят потом сено или овес, или что там, а телегу взвесят.

Яблочный Спас отмечали не как сейчас. Сейчас каждый несет в церковь яблоки. А раньше возами их закупали. Всегда красивые, яркие. И после освящения батюшка раздавал верующим. Детям по два-три яблока, а кто победнее, тому и пяток. Ребята некоторые по несколько раз старались подойти. И с такой радостью с этими яблоками домой неслись! У нас дома были яблоки, но эти вкусней.

Ближе к осени мама за опятами ходила, меня не брала. Их сушили или мама жарила в топленом масле и в банках маслом заливала — сантиметра полтора-два слой масла. Ставили банки в подпол и по торжественным случаям вынимали баночку, варили картошку. Это шикарно было. Про маму говорили: "Вот выдумщица!"

Солили в кадках рыжики, чернушки. А маленькие рыжички мариновали в бутылках и сургучом запечатывали.

Осенью все запасали впрок. Убирали овощи на огороде. Картошки сажали тогда в городе мало. Ее из деревень привозили на продажу. Торговались насчет цены — каждый год цены были разные. Хранили картошку в подполе. Но у нас близко грунтовые воды были, так что весной картошку подтапливало.

Мама моя очень хорошо огурцы солила и капусту квасила. Капусты у нас на семью из трех человек заготавливали две 200-литровые кадки. Они в сарае стояли, в яме. Подмерзала зимой капуста. А огурцы никогда не замерзали — так их мама укутывала. Кадки с огурцами в коридоре стояли. Со всего Посада к нам приходили, просили продать огурчиков, капусты тем, кто болеет. Мама никогда не продавала. Наложит огурцов в кастрюлю, в миску, а то и в полу. И меня посылала с бидончиком — капусту отнести. Я и к Флоренским носила, когда Павла Александровича уже посадили.

Мочили всегда две-три банки брусники. Клубку тоже заготавливали, но не так много. Тогда не консервировали, а варили много варенья. Из яблок варили, из малины, клубники, из лесной земляники — мое любимое, из крыжовника, смородины. Никогда у мамы варенье не прокисло, не засахаривалось.

Поздней осенью запасали рыбу, больше карпа (мама говорила — карпию). А я больше всего любила карасей прудовых. Рыбу привозили в рогожах, мороженую. Зимы тогда были хорошие, устойчивые, не как теперь. И рыбу хранили всю зиму в чулане в кадках и рогожных кулях. И щучки там попадались, и подлещики. Посты тогда соблюдали, так что рыба была нужна обязательно.

На нашей улице у всех пруды были — разводили гусей, уток. Осенью их резали и вешали на чердаках. И баранов резали и тоже вешали. Они дешевые были. Отрубали кусками по необходимости. Так что жизнь получалась экономная.

Мы, пока сухо было, на улице играли — в прятки, чижика, в лунки. Просто сидели на лавочке, разговаривали, пели, хохотали. А на Кукуевке и на Штанной — гармоника, пляски — русская, елец, барыня... Частушки!

И осенью девочек сажали за рукоделия. Вязали кружева крючком. Тогда комбинаций не было, были рубашечки. К ним кокетки кружевные вязали и еще медальоны круглые и ромбами. Вшивали их в белье. У наволочек углы вывязывали, иногда и середину. Подзоры к кроватям были у всех кружевные. И на спинку кровати подзор вешали.

Еще скатерти вязали. В каждой семье две-три скатерти были. И белые, и цветные. Ели на кухне или в столовой на чистом столе или на клеенке. К празднику стол скоблили ножом. А в зале — стол со скатертью. Скатерть всегда нарядная, иногда кружевная, иногда вышитая или цветная льняная.

Вышивали. Старались друг друга перецеполять — доставали особые рисунки. Вышивали рюшечки кокетки к рубашечкам, шторы. Крестом — кофточки, полотенца. Носки, чулки вязали на спицах. Все вечера были заняты. Пока электричества не было, с керосиновыми лампами сидели, с семилейными, а кто побогаче — десятилейными. Лампы были висючие, как люстры, и настольные. Были обыкновенные, а были очень красивые. Когда электричество появилось, его экономно разрешали "жечь". Кто сильней лампочку вкрутит, штрафовали.

А на демонстрацию в Октябрьские праздники мало ходили. Историей народ не интересовался.

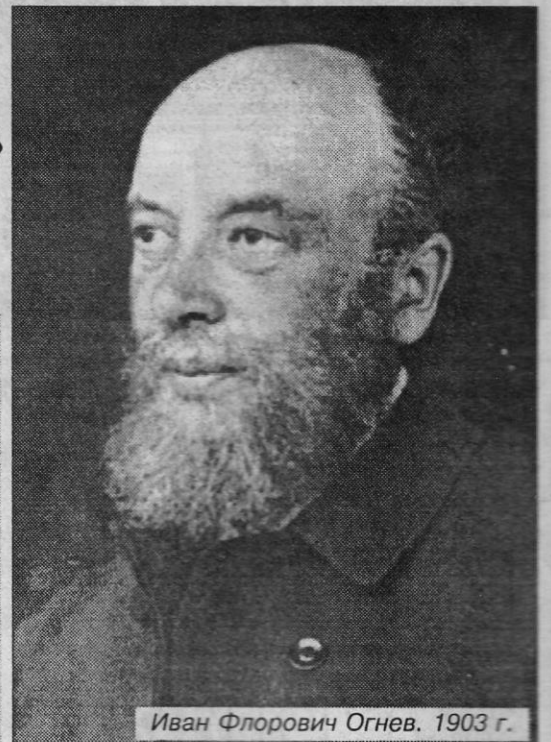
В. АВЕРЬЯНОВА.
Рассказ записала
Т. СМЕРНОВА.

«КАКОЙ ЭТО БЫЛ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ
ПРОФЕССОР
И ЧЕЛОВЕК»

Рассказ об ученом-биологе
Иване Флоровиче Огневе, который жил
в Сергиевом Посаде на улице Пионерской.

В 1948 году был пущен под нож тираж второго издания книги С. И. Огнева о его отце "Иван Флорович Огнев. Страницы из жизни Московского университета и московской интеллигенции конца XIX и начала XX вв.". Произошло это после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина), когда академик Т. Д. Лысенко разгромил биологическую науку.

Только несколько экземпляров книги удалось спасти. Один из них хранится у правнука И. Ф. Огнева отца Саввы (Михалевича), живущего в Сергиевом Посаде. Благодаря его любезности возникла возможность познакомиться наших читателей с биографией и обликом выдающегося биолога И. Ф. Огнева. Его последние годы жизни прошли в нашем городе. Дом, где на втором этаже жила семья Огневых, сохранился (Пионерская, 15).

Иван Флорович Огнев. 1903 г.

Родился будущий профессор в 1855 году в семье известного московского врача Ф. И. Огнева, матерью его была Н. Ф. Аммон, предки которой — гугеноты — бежали из-за гонений из Франции еще в XVII веке. С детства старший сын Огневых Иван отличался очень живым, даже озорным характером. Как-то устроил с товарищами большой фейерверк на церковном дворе, а это строго запрещалось полицией. Церковный староста завел тогда злую собаку, но и ее мальчик не боялся. И предсказывал староста, что быть ему посланным в Сибирь.

А в 16 лет он приехал в имение своего дяди под Ромны. Река, сад, переходивший в парк, озера и болота, полные дичью, — все это поразило юношу. В нем пробудилось чувство природы. "Трудно передать мой восторг при виде всего этого приволья, — вспоминал он впоследствии. — Мне хотелось и ловить насекомых, и слушать птиц, и наблюдать за ними и за всей пышной, ключом бившей жизнью кругом!"

Сочетание глубокой любви к природе и пылкого ума натуралиста привели к тому, что И. Ф. Огнев стал выдающимся биологом. Но поступил он, по настоянию отца, не на историко-естественный, а на медицинский факультет Московского университета. Впрочем, врачом он так и не стал. А пока лекции, практические занятия, работа в клиниках... И все свободное время — в гистологическом кабинете. Еще будучи студентом, он выполнял на кафедре гистологии обязанности преподавателя и ассистента. (Гистология — это наука о тканях многоклеточных животных и человека.)

Университетские занятия были прерваны во время русско-турецкой войны 1877 - 78 гг., когда Огнев работал в военных госпиталях на юге России. Там он получил навыки организаторской работы, так пригодившиеся впоследствии.

Вернувшись в Москву и закончив пятый курс университета "первым", как тогда говорили, И. Ф. Огнев получил предложение остаться при кафедре гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии в качестве стипен-

диата. (Каждый год университет давал только две такие стипендии.)

Наряду с исследовательской работой он приступил к занятиям со студентами. Подготовка занимала особенно вначале, много времени. Ведь ему, еще только начинающему ученому, поручили читать лекции по основному профессорскому курсу. Надо было сдавать докторские экзамены, готовить диссертацию... Но все трудности удалось преодолеть.

А в 1883 году Иван Флорович женился на Софье Ивановне Киреевской, родственнице известного славянофила. Шли годы. У Огневых родилось трое детей. Старший сын Александр жил впоследствии с родителями в Сергиевом Посаде, преподавал в Педагогическом институте. Средний — Сергей — стал крупнейшим ученым-зоологом. Его книга для школьников "Жизнь леса" переиздавалась только на русском языке шесть раз. Основной его труд "Звери СССР" составляет семь томов. Младший — Владимир — был офицером, участником первой мировой и гражданской войн, скончался в эмиграции, в Югославии. Частично его воспоминания были опубликованы в газете "Зеркало" в 1996 - 97 гг. ("Воспоминания улитки").

А связь Огнева с нашим городом была давней. Еще в конце прошлого века семья жила летом на даче под Сергиевым Посадам. Когда построили в университете новое помещение для гистологического кабинета, то мебель для него Иван Флорович заказал заранее продуманным образом в нашем городе, славившемся тогда прекрасной работой кустарей-столяров.

В 1895 году в университете начались студенческие волнения.

Софья Ивановна Огнева писала: "Открывалась новая страница в летописи Московского университета. Начались сходы, в воздухе запахло порохом".

А впереди был еще 1905 год, когда скоропостижно скончался прямо в кабинете министра народного просвещения, пытаясь спасти университет от закрытия, С. Н. Трубецкий, его ректор (см. "Краеведческий вестник" № 15, декабрь 1995). И университет

был закрыт на целый учебный год (1905 - 1906 гг.). Потом был год 1911-й, когда в университете были запрещены все собрания, а в его помещениях постоянно дежурили полицейские. В знак протеста тогда ряд профессоров подали в отставку. Но И. Ф. Огнев был убежден, что он не вправе оставить свой пост, покинуть университет.

Однако ему пришлось это сделать — не добровольно, а в результате интриги помощников и ложного доноса одного из коллег. В годовщину смерти Льва Толстого студенты в знак траура не пришли на лекции. Огнев, разумеется, не мог читать перед пустой аудиторией. В доносе его обвинили, что он якобы призвал студентов к забастовке и отказался читать лекцию. И в 1914 году по распоряжению министра народного просвещения И. Ф. Огнев был отчислен из университета.

Войдя в последний раз в аудиторию, профессор Огнев сказал: "Мне передали, господа, что вы желаете, чтобы вместо лекции я сказал вам на прощанье слово или речь. Этого я не могу сделать. Как солдат на своем посту должен стоять до последней возможности, должен до смерти защищать свое знамя, так и я обязан исполнить свой долг до конца. Я должен читать вам сегодня лекцию".

После лекции толпа студентов с криком "ура" проводила профессора домой, его несли на руках. На Моховой даже остановилось движение трамваев.

Февральская революция вернула изгнанных профессоров, в том числе И. Ф. Огнева в университет. Но его здоровье уже сильно пошатнулось. В 1919 году из-за отсутствия топлива перестало работать центральное отопление в московской квартире. Иван Флорович с женой и старшим сыном переехал в Сергиев Посад. Но еще до 1924 года, несмотря на болезнь, он ездил в университет, читал лекции, руководил работой лаборатории. Скончался И. Ф. Огнев в 1928 году в Сергиеве.

В списке научных работ И. Ф. Огнева 40 наименований, в том числе двухтомный "Курс нормальной гистологии" — книга, по которой учились многие медики.

Сергей Иванович Огнев написал в конце книги об отце такие строки: "Во время поездов по далеким окраинам нашей родины мне часто случалось встречать врачей, бывших воспитанников Московского университета. Бывало, узнав мою фамилию, спрашивал врач: "Скажите, а вы не сын профессора Огнева?" И когда я отвечал утвердительно, мой случайный собеседник, радостно улыбаясь, говорил: "Он был моим учителем. Какой это был замечательный профессор и человек!"

Татьяна СМЕРНОВА.

Пионерская ул., 15. В этом доме в 1919 - 1940 гг. на втором этаже жили Огневые. Фото 1998 г.

(В.И. Огнев Иван Флорович б.в. ж.м.е. 3е дет. в.к.н. Мос. ун-в. 6 1874)

• К 125-летию со дня рождения М. М. Пришвина

ГРОМЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОДОЛЖАЮТ СОТРЯСАТЬ ЗЕМЛЮ

В день Троицы 18 мая (по старому стилю) 1914 года Михаил Михайлович Пришвин впервые, судя по дневниковой записи, приехал в Сергиев Посад. Поезда тогда до ст. Сергиево ходили семь раз в день, езды всего два часа.

О Троице-Сергиевой лавре в душе Пришвина теплились детские воспоминания: ему, крошечному, наивному Курьмушке, родственники не раз привозили от Троицы игрушечных лошадок, запахов которых остался в памяти, и однажды семидесятилетний Пришвин явственно различил его на прогулке:

знаменами монархии. — Ю. П.), и общество хоругвеносцев».

Раздражение от пещерных действий черных сотен и бесполезности хоругвеносцев, признание необходимости обыкновенных человеческих радостей — «это семья, труд, постоянство, прикосновение ко всему миру жизни, отечеству, народу» — не помешали Пришвину сохранить веру в необыкновенное — в романтическую любовь и в незапачканное обмирщением христианство. С такой надеждой («Замечательно, что домовый нисколько не слился с христианством», — радостно записывает он в дневни-

столько же презирает за стеной, я замечал у крестьян-землепашцев настоящее чувство гадливости к монахам, как у нас к змее. Здесь население привыкло, пошло навстречу, и вот это приятие монаха в мир есть особенность Лавры».

Михаил Пришвин — писатель факта. Он увидел в священнослужителях не посредников между Богом и людьми, а обычных горожан, служащих по церковному ведомству. Поэтому и нет в его дневнике описания торжественных праздничных служб в сверкающих золотом церквях.

Сам Сергиев Посад позабавил Пришвина хором трактирных зазывал.

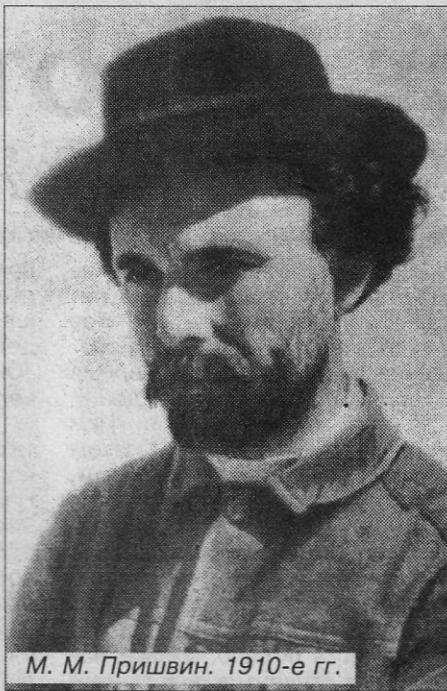
«Не успел я сделать несколько шагов от вокзала, как меня окружили какие-то доможилые существа в женском образе, похожие, впрочем, скорее на больших черных тараканов. Эти тараканищи, один перебивая другого, кидали в меня словами, одни кричат: «Грибочки!», другие: «Блиночки!».

— И у меня блиночки!

— перебивали третьи.

— А у меня караси в сметане, — кинулись новые тараканищи.

Одна, помоложе других и поприятнее, не кидается, а прямо как песни поет, перечисляя все в

М. М. Пришвин. 1910-е гг.

яичками! Котлеты жареные! Живые караси, жаренные в масле со сметаной! Цыплята жареные! Щи с мясом, хорошие! Самоварчик готовый! Все 99 кушаньев, а для Вашей милости сто приготовим! А блины-то, блины-то какие! Самим бы есть, да далеко лезть. Сама бы ела, да мама не велела». «Ну, они поспеют и идут», — подытожила Екатерина Михайловна, добавив напоследок стихами:

*Помню, как тогда хотелось
Поесть досыта блинов,
Как лизала сковородки
После съеденных грибов.
За столами гости ели
Караси, блины, грибы...
Квас в бутылках подавали
По заказу на столы.
А как я квас тогда любила!
Даже сладко вспоминать.
Мое дело тогда было
Все остатки допивать...*

«На другой день я отправился в монастырь», — продолжает Пришвин запись в дневнике.

Троице-Сергиева лавра. 1914 г.

«Шел в сосновом бору, — записал Пришвин в дневнике 1946 - 50 гг., — и вдруг запахло мне чем-то чудесным, и, поймав раз, и два, и три аромат, я понял, что пахло мне той самой детской лошадкой, какие возили нам в детстве в подарок от Троицы. Вскоре оказалось, что вблизи находился завод металлостроителей в лесу, и пахло от него каким-то эфирным маслом, применяемым в производстве».

Весной 14-го года настроение Пришвина было не столь умиротворенным, пахло не милым детством, а предгрозовыми, историческими бурями. В июле уже начнется первая мировая война — первый страшный шаг на пути крушения Российской империи. В августе Пришвин запишет: «Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну, как пузырь, надувается и вот-вот лопнет».

В эти предвоенные месяцы, когда в обществе «все больные и расшатаны» (А. Блок), Пришвин испытывает душевный разлад, мысль его в бесполезном отчаянии ищет выхода, заботы о спасении семьи тяжелым грузом наваливаются на плечи. 1 апреля он перевозит семью из Петербурга в Песочки за двести верст от столицы, объясняя это тем, что «в Петербурге нет возможности содержать такую семью, и Ефросинья Павловна не столичная дама», сам же признается себе, что ему хочется в Европу и что, он, может быть, и уедет. Но возвращается в Петербург, затем 29 апреля едет в Москву, оттуда 1 мая приезжает к себе на родину в Хрущево и Елец, а 18 мая оказывается в Троице-Сергиевой лавре.

В лаврской гостинице Пришвин садится за дневник и первым делом записывает не впечатления о городе и монастыре, а елецкие наблюдения: там адская жарница и все и всех покрывшая известковая пыль, там «пещерные черносотенцы: черносотенные клубы в конторках и при лавках (черносотенцы — это тогдашние бандформирования погромщиков в борьбе против революции под

ке. — Ю. П.) Пришвин начал вглядываться в наш город. «Троица. Занесло меня в Троицу к Троице».

Коридор-траншея, через два соединенных здания, так что видны люди, как черные тараканы, и дух со времен Филарета: все пропахло тем особенным духом из смеси всевозможного вещественного с невещественным: аскетического, грибного, ладанного, ржаного-пшеничного, мужицкого, византийского.

Полнейшее приятие мира: в монастырской гостинице допущена продажа водки.

Увидели богомольцы Лавру и крестятся, а внизу кипит все съедобное, и уже десятки женщин, похожие на черных тараканов, метаются на него.

В Лавре монахи — ремесленно-грубоватые».

Не то, чувствуется, хотел увидеть в святой обители Пришвин, не на грехе и наживе настоящую монастырскую водку, не тараканы (образ-то какой) фигурки людей, в молитве помышляющих о насыщении презренной утробы, не нравственно тупых и грубых монахов...

«В посаде домики солидные, из хорошего леса, строила духовная рука. Не один иеромонах имеет такой домик и семью, — продолжает запись Пришвин. — Жалованья иеромонаху 600 рублей: как только стал на ноги, сейчас сваха предлагает вступить в брак. У одного дети уже окончили семинарию. Вопрос, как исповедуется такой монах, — грех (т. е. нельзя такой вопрос и задавать. — Ю. П.). Но это решает психологически: как только человек вступил в брак, так сила греха исчезает, грех теряет свое жало: совершенно обратное с библейским грехопадением. Это и понятно: чувство греха питается одиночеством, а раз человек перестал быть одиноком — греха не стало. Это сразу видно из общей картины посада и монастыря. Здесь отличие от других монастырей в том, что монах, возвращающийся в мир, омерзитель для народа, насколько народ уважает монаха в стенах, на-

Красногорская площадь. 1927 г. (Фото М. М. Пришвина)

ряд, что есть у нее, и так быстро приходит до сотни и, наконец, заключает: самая сотня!»

А не наша ли это знакомая, у которой в 1994 году Лидия Васильевна Гирлина брала телеинтервью? Не Комарова ли это Екатерина Михайловна, 92-летняя жительница нашего города, игрушечница, певунья — героиня телепередачи по «Тонусу» «Жизнь прожить — не поле перейти»? Точно, это она, которая, конечно же, в четырнадцатом году была «помоложе других и поприятнее».

Екатерина Михайловна рассказывала, как городские гоняли зазывал с площади, «а то лают, как собаки», как она бегала тогда на вокзал и кричала: «Приходите блины кушать в седьмой номер!» (На Блинной было 12 палаток), как людей в шляпах она звала «мои господа», а в платках — «мои купец с купчихой». И особенно поразило, как она до преклонных лет хранила в памяти текст своей зазывальной песни и пропела ее без запинки: «Зайдите блинов покушать! Горячие блины, масляные, со сметаной, хорошие! Белые грибы, жаренные в масле, со сметаной! Почки под соусом! Мозги жареные, залитые

А на самом низу висит колокол в четыре тысячи пудов с лишним, и когда он загудит тяжким гудом, то французское блюдечко как будто смеется, улыбается... Удар за ударом, а гуд остается сам собой, земля гудит.

Гром ударил, и колокол ударил — такой большой! — удар за ударом, и гром на небе нарастал, заиграли малые колокола.

Перед всенощной у Троицы началась гроза, все потемнело, золотое блюдо Растрелли, казалось, врезано в грозовое небо, и вот ударил пережат грома, и в то же время ударил язык в край самого большого из действующих в России колоколов, еще удар громкий, еще удар колокола, загудела земля, казалось, что между колоколом и громом завязалась борьба. В это время мы подходили к арке и сразу увидели в воротах, что Троицкая лавра молилась к небу...»

Из всего величественного ансамбля Троице-Сергиева монастыря Пришвин выделил золотую корону («блюдечко») изящной колокольни да могучие троицкие колокола (Пришвин даже записал их необычные имена), с судьбой которых неожиданно переплетается жизнь его самого.

1 мая 1927 года М. М. Пришвин, уже год как живущий в нашем городе, пришел на площадь посмотреть праздник. Праздник проводился традиционно и, как показалось Пришвину, скучно. Не звонили колокола. Почему? Пришвин узнал и записал: «Оказалось, что власти центральные не очень и против, а мешают белое духовенство, которое боится господства монахов», а надо бы, «чтобы колокола зазвонили не через господство белого и черного духовенства, царя, большевиков, а чтобы пришлось какое-нибудь дело так по душе всем, так стало бы хорошо всем, чтобы и самый вопрос «кому звонить?» — исчез, (...) спохватились бы, вызвали старых звонарей, и начался бы звон как бы от себя — словом, чтобы колокола зазвонили сами. Будет ли это?»

Было, но по-другому. Никому не принадлежавшие молчаливые колокола были сброшены с колокольни на глазах у Пришвина в 1930 году.

Это событие отражено в дневнике Пришвина.

«8 января. Вчера сброшены языки с Годунова и Карнаухова. Карнаухий на домкратах. В пятницу он будет брошен на Царя с целью разбить его».

«16 января. Сколько лучших сил было истрчено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело...»

«Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокола», — завершит записи Михаил Михайлович.

Ныне гудит над городом уцелевший Лебедь, и громы по-прежнему продолжают сотрясать землю.

Юрий ПАЛАГИН.

ДЕНЬ М. М. ПРИШВИНА,
посвященный 125-летию со дня рождения писателя,
состоится в новом здании краеведческого отдела
музея-заповедника (Овражный переулочек, 9а)
14 ноября 1998 года.

В программе:

— осмотр выставки «Как били колокола» (фоторепортаж М. М. Пришвина о событиях января 1930 года в Троице-Сергиевой лавре);
— «Круглый стол» «Незнакомый Пришвин»;
— спектакль «Сцены из жизни Пришвина» (автор Ю. Н. Палагин, режиссер И. Н. Борисов, исполнители — актеры народного театра ДК им. Ю. Гагарина);
— чай «У Пришвинского самовара».

Организаторы Дня М. М. Пришвина:

Комитет по проблемам культуры
Историко-художественный музей-заповедник
Государственный литературный музей

Желающих принять участие в этом мероприятии просим заранее подать заявки с учетом, что продлится оно ориентировочно четыре часа (с 12 до 16 часов).

Заявки можно оформить в краеведческом отделе музея-заповедника (тел. 4-44-28) или в экскурсионном отделе музея в Лавре (тел. 4-53-56).

Владимир ВОРОПАЕВ

МЫ ВСЕ РАБОТАЕМ У ОДНОГО ХОЗЯИНА

Н. В. Гоголь в Московской духовной академии

Осенью 1851 года, после возвращения из Оптиной Пустыни, на Покров, Гоголь решает ехать в Троице-Сергиеву лавру, чтобы помолиться в день именин своей матери. 30 сентября он заходит к Степану Петровичу Шейреву, профессору Московского университета, но, не застав его дома, оставил ему записку: "Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница".

В тот же день Гоголь приезжает в Абрамцево, где его появление, никем не ожиданное, всех изумило и обрадовало. На следующий день он едет к обеду в Троице-Сергиеву лавру, находящуюся в тринадцати верстах. Там он вместе с отцом Феодором (Бухаревым), с которым познакомился еще в 1848 году, посетил студентов Московской духовной академии. В предисловии к своей книге, вышедшей в 1860 году, архимандрит Феодор так рассказывает об этом: "Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: "Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина".

Об этой встрече также рассказывает Василий Крестовоздвиженский, бывший тогда студентом Академии. Его воспоминания были опубликованы в 1860 году в газете "Московские Ведомости". "Не знаем, как теперь, — пишет В. Крестовоздвиженский, — но в пятидесятых годах (1848-1852 гг.) студенты Московской Духовной Академии с особенной любовью читали и перечитывали сочинения Гоголя; многие выдержки из его повестей, особенно из "Мертвых Душ", учили наизусть; а "Ревизора" и "Женитьбу" несколько

раз даже играли в своих комнатах, хотя без всякой почти сценической обстановки, но зато без помощи суфлера. Словом, произведения Гоголя были в то время постоянным предметом суждений и занятий воспитанников. При таком настроении, при этом дружном увлечении Гоголем, весьма естественно в каждом из воспитанников проявлялось желание видеть Николая Васильевича лицом к лицу... Но судьба ли сжалилась над бедными студентами, или, как говорят, сердце сердцу весть подало, только настал и для студентов счастливый день, в который они увидели, наконец, желанного Гоголя. Это было 1 октября 1851 года. В послеобеденное время, часа в четыре или пять, студенты пользовались по-своему свободным от учебных занятий временем: одни гуляли по саду; другие, оставшиеся в комнатах, или читали, или ходили и курили, или прокоились на диванах и столах, положив под головы огромные фолианты. Один, помнится, играл на скрипке. Вошедший в это время в комнаты старших студентов профессорский слуга, по физиономии и приемам лучший типоголевого Петрушки, объявил, что сейчас придет о. Феодор с Голицыным.

"Так что ж?" — спрашивают студенты. "Только-с! Так приказано сказать". И с этими словами он вышел из студенческих комнат, где в ожидании гостя порядком несколько не изменился. Через несколько минут показались в дверях почтенный наставник студентов в сопровождении псевдо-Голицына. Студенты встали. Некоторые, видя в незнакомом посетителе знакомые черты, заметили вполголоса: "Это Гоголь!" О. Феодор, подойдя к группе студентов, сказал: "Вы, господа, просили меня (полноевское спасибо тому товарищу, который передал почтенному наставнику единодушное желание студентов)

представить вас Николаю Васильевичу Гоголю — я исполняю ваше желание". Обращаясь потом к дорожному гостю, он прибавил: "Они любят вас и ваши произведения".

"...Очень естественно, что при такой неожиданности студенты не сказали ни слова. Молчал и Николай Васильевич. Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец, один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: "Нам очень приятно видеть вас, Николай Васильевич, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения". Николай Васильевич, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его духовным воспитанникам: "Благодарю вас, господа, за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, служим одному Хозяину... У нас один Хозяин". Начав говорить несколько потупившись, Николай Васильевич произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то, но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся со студентами, произнеся последнее "прощайте!". Только теперь очутились воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Николая Васильевича, и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов..."

...На обратном пути из Троице-Сергиевой лавры Гоголь в коляске, присланной из Абрамцево, заехал в Хотьково в Покровский женский монастырь за Ольгой Семеновной Аксаковой и сам заходил за ней к игуменье Магдалине. Отсюда Гоголь вместе с Ольгой Семеновной приехал в Абрамцево, отстоящее в трех верстах от монастыря. "За обедом Гоголь поразвеселился, — вспоминал

Сергей Тимофеевич Аксаков, — а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцево и последнее свидание со мною".

3 октября Гоголь возвратился в Москву. На этот день была назначена свадьба его сестры Елизаветы Васильевны с саперным офицером Владимиром Ивановичем Быковым.

Вечером того же дня Гоголь пишет письмо матери и сестрам Анне и Елизавете: "Не удалось мне с вами поведаться, добрейшая матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве. <...> Зиму, идеже хошет, побеждает естество чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы". В приписке Гоголь сообщил: "В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрачными было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют". А сестру Ольгу, которая лечила крестьян в Васильевке, извещал в записке, что посылает ей десять рублей серебром на бедных и лекарства.

Больше Гоголь Москвы не покидал.

Материал перепечатан (с сокращениями) из журнала "Встреча", 1998, № 2(8). Это ежеквартальный студенческий православный журнал Московской духовной академии и Семинарии и Фонда единства православных народов. В большинстве своем его авторы и читатели — студенты Духовных школ. Однако журнал представляет интерес для значительно более широкой аудитории. Много полезного найдут в нем и краеведы. Примером тому является публикуемая выше статья о Н. В. Гоголе. Ее автор — Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы МГУ им. Ломоносова, занимается преимущественно исследованием творчества Гоголя.
Продается журнал "Встреча" в книжном магазине Троице-Сергиевой лавры.

ПОТОМКАМ НАШИМ НА ПАМЯТЬ

Финансовый кризис больно ударил по историко-художественному музею-заповеднику и заставил нас вступить на путь жесточайшей экономии. Мы сократили всякого рода расходы: хозяйственные, транспортные, издательские, командировочные, приостановили закупку экспонатов.

Обидно, конечно. Однако это не означает, что научная, выставочная, закупочная работы замрут и музейный фонд не будет больше пополняться новыми вещами.

Вопреки и назло всем кризисам музейные работники пишут книги, создают научные труды, открывают выставки и даже проводят международные конференции. Не собираемся мы останавливать и фондовую работу — основу основ музейного дела.

Восемьдесят процентов краеведческих экспонатов нашего музея — дары земляков или людей, чья судьба тесно переплелась с судьбой Сергиева Посада. С благодарностью мы принимаем в дар старые книги, документы, фотографии, вещи, вышедшие из домашнего употребления, но не потерявшие своей краеведческой ценности. Нередко нам предлагают старую мебель или одежду, приносят милые сердцу предметы из отчего дома, из бабушкиного сундука. Люди хотят оставить память о своих близких, сохранить эти вещи для будущих поколений. Ведь вещи эти тоже умеют рассказывать о времени, которому они служили, и о тех, кому принадлежали.

Хранят память и книги, в том числе и та, которую мы завели недавно в нашем отделе. Это Книга даров. В нее отныне будем заносить имена людей и организаций, внесших предметный вклад в историю края. Эта книга, как и Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, переживет нас и расскажет потомкам о том, как мы создавали наш музей.

Книга эта рукописная, единственный ее экземпляр будет храниться в музее.

А еще решили мы, что книгу аналогичного содержания мы откроем в нашем "Краеведческом вестнике", чтобы вы, друзья, знали, из чего и кем создается Краеведческий музей.

Л. ГИРЛИНА,
зав. сектором музея.

КНИГА ДАРОВ

БУДНИКОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА передала в дар музею медицинский халат, медицинские инструменты, красноармейскую книжку Фадеевой А. А., два фронтальных письма, тумбочку (вещи времен Великой Отечественной войны).

ТУРЕНКО ФИНА ФЕДОРОВНА подарила графические листы своего мужа — художника, участника Великой Отечественной войны В. П. Туренко (три листа).

НИКУЛИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ отдал офицерскую шинель, гимнастерку и солдатскую пилотку, в которых он воевал.

КУЛИКОВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА подарила бокал для чая 40-х годов.

СЛЕЗКИНА ИРИНА НИКОЛАЕВНА отдала комсомольский значок своего отца Слезкина Николая Сергеевича, металлический значок, фарфоровое блюдо Кузнецовского завода, платяной шкаф 30-х годов.

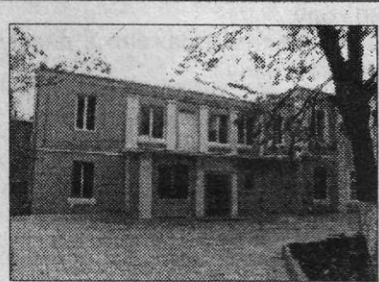
ГАДАЛОВА НИНА ИВАНОВНА сдала газету "Московский комсомолец" от 3 июля 1941 года с речью Сталина, а также вещи 40-х годов — портфель, книгу, пионерский галстук, тетрадь, письмо с фронта.

ЛЕБЕДЕВА НАДЕЖДА ЕВДОКИМОВНА передала в дар платяную школьную коричневую с белым фарфучком.

ПЫЖОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА отдала вырезки из газеты "Вперед" времен Великой Отечественной войны.

КОРНЕЕВ ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ подарил патефонные грампластинки и иголки, карандаш и ручку-вставочку послевоенного образца.

(Продолжение
в следующих номерах
"Краеведческого вестника").

**Новый адрес
краеведческого
отдела
музея-заповедника:
Овражный
переулок, 9а.**

**Справки.
Заявки на экскурсии.
Телефон 4-44-28**

**Внимание членов
краеведческого клуба
«ХРОНОС»!**

**Мы собираемся
в новом здании
краеведческого отдела
музея-заповедника,
как и прежде,
в первый и третий четверг
каждого месяца.**

ВСПОМИНАЯ ИЛЬЮ МАЧЕРЕТА

В октябре прошлого года в библиотеке им. А. Горловского проходил вечер памяти педагога-новатора Ильи Мачерета. В год 75-летия этого яркого, незаурядного человека друзья и почитатели вновь вспоминают его.

Нинель ХОЛОДКОВА:

В последние годы войны и в послевоенный период в нашем доме жил человек, сразу обративший на себя внимание своим интеллигентным видом: на работу он ходил неспешной походкой с палочкой. Иногда его видели с женой. Кончилась война, с фронта вернулся их сын, стройный красавец-офицер Илья Мачерет. Отец работал в земской поликлинике (сейчас медсанчасть № 1) терапевтом, а сын стал учителем, работал в мужской средней школе № 1 им. РККА (сейчас в этом здании гимназия).

Как-то заболел, мама пошла на прием к старшему Мачерету и была очень удивлена, что лечение назначено не в виде кучи таблеток, что было традиционно в те времена, а народными средствами. Во время лечения познакомились поближе: оказывается, что в далекие послевоенные годы оба жили в одном селе Киенка Черниговского уезда. И мама — тогда маленькая девочка — помнила, как увозили в Сибирь репрессированную семью Б. Мачерета. Запомнились ей две красавицы-сестры, одну из них звали Розой. Обе безвинно пострадали.

Так по прошествии многих лет встретились земляки, которые, как выяснилось, жили в одном доме. Жаль, что годы стерли в памяти многое из того, о чем можно было бы теперь расска-

зать. Из-за солидной разницы в возрасте и смены места жительства наши жизненные пути больше не соприкасались.

А недавно произошло событие, вновь всколыхнувшее мою память. В конце октября 1997 года в библиотеке им. А. Горловского прошел вечер памяти Ильи Мачерета — участника войны, учителя, поэта, писателя, художника. Вечер был так прекрасен, что через неделю по многочисленным звонкам его повторили. Он был приурочен к выходу книги избранных произведений Ильи Бенционовича, изданной его другом-писателем и издателем Андреем Никитиным. Кроме Андрея Леонидовича Никитина, на вечер приехали также известный детский писатель Эдуард Успенский и замечательный иллюстратор детских книг Виктор Чижиков. Еще при жизни Мачерета Успенский выступил по Центральному телевидению в его защиту, когда педагог подвергся мощной атаке со стороны тех, из-за которых потерял любимую работу.

**Владимир СОСИН,
руководитель литобъединения
"Свиток":**

Знакомство с произведениями И. Мачерета — это встреча с незаурядной, щедро одаренной личностью.

Когда я впервые прочел стихи И. Мачерета, написанные им в

1945 году в побежденной Германии, они поразили меня своей непохожестью на стихи о победе, которые мне приходилось читать до этого. Передо мною предстал поэт, мыслящий европейскими масштабами, прекрасно знающий мировую культуру, чувствующий ход истории. Мне было удивительно, что этот молодой, 23-летний, человек смог противостоять мощному напору массовой пропаганды и не славословил Сталина.

В последние годы, занимаясь педагогической деятельностью, И. Мачерет осознает, что живет в системе хорошо продуманного и организованного вранья. Он ищет аналогии этому явлению в истории и находит в средневековье — Крестовый поход детей. Описывая события детского Крестового похода в повести "Дважды обманутые", он блистательно раскрывает механизм облапошивания масс. Эта повесть очень актуальна и в наши дни.

Будучи по натуре своей новатором, преобразователем, невмешавшимся в прокрустово ложе спускаемых сверху директив, И. Мачерет пытался вступить в борьбу с рутинным чиновничьим аппаратом. О бесплодности подобной попытки — его повесть "Чертков". Несмотря на трагический финал, эта повесть может служить своеобразным пособием для начинающих педагогов, ибо ее герой, директор школы Чертков, при общении с учащимися из множества сложнейших ситуаций всегда выходит победителем, не теряя при этом любви школьников.

Проза И. Мачерета богата юмором, иронией, афористична. Она пробуждает в нас множество мыслей. А (перефразируем философа) раз мы мыслим, значит существуем!

Учредители:

Муниципальное учреждение «Газета «Вперед», Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.
Газета зарегистрирована в Московском региональном управлении Комитета РФ по печати.
Регистрационное свидетельство № А-5413.

«Краеведческий вестник» — ежемесячное приложение к газете «Вперед», октябрь 1998 года.

Редактор выпуска Лидия ГИРЛИНА.

Контактный телефон 4-44-28